первой половины XVI в.) в дополнительных образцовых посланиях к письмовнику настойчиво пропагандирует вклады в монастырь.

О боярском письмовнике «Посланием начало, егда хощеши кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» говорилось выше. Письмовник «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку», пожалуй, демократичнее своих предшественников: послания распределены здесь в алфавитном порядке по первой букве первого слова, как бы независимо от иерархического соотношения адресатов (эту особенность отмечают некоторые списки, добавляя в заглавии: «сотворено по алфавиту» или «азбука епистолная»). Однако многосословная иерархическая система довольно полно коллекционирована в письмовнике: половина адресатов церковных (от митрополита до священника или до монахини), половина светских (вплоть до «мещанина»), среди которых и военные (от воеводы до воина), и ученые (например, «книжный друг» или «философ»), и родные (в том числе вдовая мать, сестра и т. п.).

Для стилистического анализа большинство письмовников дает однообразный материал: чаще всего это наборы шаблонных приложений и эпитетов в похвалах адресатам, шаблонные представления об адресатах. В Неозаглавленном письмовнике адресаты строго официальны, каждое их действие отражается как бы во множестве зеркал благодаря повторению синонимов. Повторение сходных приложений и сравнений в разных контекстах позволяет уловить, что два главных адресата — великий князь и владыка — вызвали у составителя письмовника противоположные эмоциональные представления: грозный, гневный князь и самоотверженный защитник — владыка. Например, и великий князь, и владыка предстают милостивцами своих подчиненных, но в разной связи; ожидаемая милость князя в том, чтобы он простил и помиловал авторов послания, а милость владыки — в заступничестве, покровительстве, помощи. Или например, и князь, и владыка сравниваются с Христом богом, но в разных аспектах: когда сравнение применяется к князю, то бог — это вышний царь, который милостив к людям, исполняющим определенные требования; когда говорится о владыке, то Христос — это пастырь и владыка, проливающий кровь за людей.[18] Несомненно, такие представления в новгородском письмовнике 1470-х годов объясняются впечатлениями от походов Ивана III на Новгород и от заступничества Феофила за репрессированных и казнимых бояр. Недаром в образцовом послании владыка назван «изящным в утешении» и его просят «помощи нам о души и телеси», так как «обычай есть преосвященному ти разуму, благой твоей совести».

---

[18] Владыка сравнивается также с «пастырем словесного стада». Это распространенное в письменности сравнение обычно связано с представлением, что пастырь «душу свою полагает за пасомыа своа». Однако в послании это понятие связано именно с пролитием крови. Ср., например, композиционно очень сходную похвалу Кириллу Белозерскому в его житии, написанном Пахомием Сербом до 1462 г., и другие новгородские жития XV в. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. 92, 62. Приложение, стр. LXII. Житие Сергия Радонежского по редакции Е. — ВМЧ, сентябрь, т. 2. СПб., 1893, стлб. 1463. Житие новгородского архиепископа Ионы. — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 31; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 185—186. Ср. представление об Иване III как о «губителе» в «Послании вельможе Иоанну о смерти князя» 1494 г. (Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 35—36, 42—43).